

На правах рукописи

ЛИНКЕ НАДЕЖДА ОЛЕГОВНА

**ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДАХ РОМАНА
Э.М. РЕМАРКА «ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ»:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Нечай Юрий Петрович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Красавский Николай Алексеевич,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры немецкого языка и
методики его преподавания
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»,

Черкасова Инна Петровна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (Первый казачий
университет)».

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет» (г. Ставрополь)**

Защита состоится «11» декабря 2026 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета: <https://www.adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/8286/>

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено комплексному анализу лексико-синтаксических средств реализации экспрессивности в художественных текстах языка романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать». Акцент сделан на функциональных и экспрессивных аспектах языковых единиц и конструкций, их роли в создании художественной образности, эмоционально-смыслового воздействия и в художественном воплощении центральной для романа оппозиции «Фронт» – «Тыл».

Степень разработанности проблемы. Категория экспрессивности на протяжении XX–XXI вв. остается объектом пристального внимания как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике (Ш. Балли, К. Бюлер, Э.М. Галкина-Федорук, И.В. Арнольд, В.И. Шаховский, В.Н. Телия и др.). В работах этих авторов экспрессивность трактуется как усиление выразительности, увеличение воздействующей силы высказывания, а также как совокупность семантико-стилистических признаков, обеспечивающих субъективное отношение говорящего. В теории перевода (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Фёдоров, А.Д. Швейцер, Я.И. Рецкер) значительное внимание уделено проблемам эквивалентности и адекватности передачи прагматического потенциала текста. Однако, несмотря на множество исследований, посвящённых как экспрессивности, так и переводу, комплексный функционально-прагматический анализ лексико-синтаксических средств выражения экспрессивности в их сопоставительном аспекте (на материале немецкого и русского языков) остаётся недостаточно разработанным. Особенно это касается произведений Э.М. Ремарка, где экспрессивность неразрывно связана с жёсткой пространственно-ценностной оппозицией «Фронт» – «Тыл», моделирующей трагедию потерянного поколения.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, поворотом современной лингвистики к функционально-прагматической и антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык рассматривается не как статичная система, а как инструмент целенаправленного коммуникативного действия и воздействия. Во-вторых, насущной потребностью теории и практики перевода в выработке адекватных стратегий передачи экспрессивного и эмотивного потенциала художественного текста, особенно при переводе с языков с различным грамматическим строем (аналитико-синтетический немецкий и синтетический русский). В-третьих, недостаточной изученностью текстов романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» („Zeit zu leben und Zeit zu sterben“) с точки зрения тех языковых средств, которые формируют ключевую для этого автора оппозицию «Фронт» – «Тыл». Наконец, впервые предпринимается системное сопоставление оригинала с переводами (в первую очередь Н. Федоровой) в заданном функционально-прагматическом ракурсе.

В качестве **гипотезы** исследования послужило утверждение о том, что экспрессивность в романе Э.М. Ремарка является не стилистическим

«украшением», а функционально-прагматической доминантой, организующей концептуальное пространство текста, что позволяет в переводе передать не только денотативные значения экспрессивных единиц, но и воссоздать их иллокутивную силу и перлокутивный эффект, что достигается с помощью системы особых переводческих стратегий.

Объектом исследования выступают лексико-синтаксические средства выражения экспрессивности, представленные в оригинальном тексте романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и в их реализации в русскоязычном переводе.

Предметом исследования являются функционально-прагматические особенности указанных средств, а именно их роль в формировании текстообразующей оппозиции «Фронт» – «Тыл», способы выражения авторской интенции, иллокутивной силы и перлокутивного эффекта, а также система переводческих трансформаций и стратегий, направленных на достижение адекватности и сохранение прагматического потенциала при переводе на русский язык.

Материалом исследования послужили: оригинальный текст романа Э.М. Ремарка „Zeit zu leben und Zeit zu sterben“; перевод романа «Время жить и время умирать» Н. Федоровой (как наиболее полно соответствующий задаче функционально-прагматической эквивалентности); тексты романов „Im Westen nichts Neues“, „Drei Kameraden“ и их русские переводы, выполненные Ю. Афонькиным, И. Шрайбером и Б. Кремневым; примеры из словарей, а также контексты из произведений отечественных авторов для сопоставительного анализа отдельных приёмов.

Выборка эмпирического материала составила более 800 контекстов, включающих экспрессивные лексемы (существительные, глаголы), тропы (метафору, сравнение, гиперболу, иронию) и синтаксические фигуры (параллелизм, эллипсис/умолчание, риторический вопрос, лексический повтор). Основной фокус анализа сосредоточен на первой («Фронт») и девятнадцатой («Тыл») главах как наиболее репрезентативных для выявления контраста регистров.

Цель исследования состоит в выявлении, систематизации и сопоставительном функционально-прагматическом анализе лексико-синтаксических средств выражения экспрессивности в оригинале и переводе романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать», а также в разработке типологии переводческих стратегий, обеспечивающих адекватную передачу экспрессивного потенциала с немецкого языка на русский в романе. Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1) уточнить теоретический статус категории экспрессивности в её соотношении с эмотивностью, оценочностью и интенсивностью; выработать рабочее определение для целей сопоставительного анализа;

2) провести сопоставительный количественно-качественный анализ функционирования экспрессивных языковых средств во фронтовых и тыловых эпизодах романа и обосновать статус экспрессивности как текстообразующего

механизма, смещающего аксиологические акценты батальной событийности на морально-психологическую деградацию тыла;

3) выявить и описать лексико-синтаксические особенности, формирующие оппозицию «Фронт» – «Тыл» в оригинальном тексте романа, а также провести сопоставительный анализ тропов и фигур речи, репрезентирующих каждое из двух пространств («Фронт» и «Тыл»), определив их прагматическую нагрузку;

4) на основе анализа переводов выявить и систематизировать основные переводческие трансформации и стратегии, применяемые для передачи лексико-синтаксической экспрессивности.

В рамках исследования применялись следующие **методы**: описательный метод, контекстуальный анализ, метод лингвостилистической интерпретации, сравнительно-сопоставительный метод, метод стилистической стратификации, метод переводческих трансформаций, а также методы количественного и качественного анализа.

Теоретико-методологическую основу работы составили труды в области функциональной лингвистики и прагматики (Ш. Балли, К. Бюлер, Дж. Остин, Дж. Серль, Дж. Лайонз); исследования по лингвистике эмоций (эмотиологии) (В.И. Шаховский, Н.А. Лукьянова, В.И. Болотов, Д.М. Фролов); работы по теории экспрессивности и стилистической стратификации языка (Н.А. Вахитова, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Е. Ризель, Е. Шендельс, В.А. Маслова, И.С. Курахтанова, Е.А. Черемисова и др.); фундаментальные положения отечественной и зарубежной теории перевода, особенно в аспекте эквивалентности, адекватности и переводческих трансформаций (В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, В.Г. Гак, Г.З. Габбасова, Л.К. Латышев); концепции текстообразующих оппозиций и функционально-прагматической стратификации художественного текста (А.Р. Лурия, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Почепцов, А.Г. Баранов, Ю. Эрбен).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Экспрессивность рассматривается в работе как функционально-прагматическая категория текста, сопрягающая в себе семантику оценочности, эмотивности и интенсивности и реализуется в романе через оппозицию «Фронт» – «Тыл», моделируя две несовместимые онтологии: мир выживания (фронт) и мир симуляции, морального распада и экзистенциального отчуждения (тыл). Тем самым экспрессивность выступает не украшением, а текстообразующей доминантой, определяющей архитектуру произведения и прагматику воздействия на читателя.

2. Количественно-качественный анализ демонстрирует доминирование экспрессивных средств (особенно существительных, глаголов, тропов и фигур речи) в описании тыла (≈80% против ≈20% в изображении фронта). Это статистически значимое распределение доказывает, что главное пространство трагедии у Ремарка – не окопы и не боевые действия, а «мирная» жизнь в тылу, разьедаемая страхом, бюрократией, пропагандой, доношением и внутренней пустотой.

3. Тропы и фигуры речи выполняют разные прагматические функции в зависимости от хронотопа. На фронте ирония – защитный механизм (циничный окопный юмор), параллелизм моделирует расколотый мир, эллипсис/умолчание – капитуляцию перед хаосом, повтор фиксирует заикленность. В тылу ирония разоблачает системную ложь и абсурд, эллипсис/умолчание – знак травмы и стыда, риторический вопрос возвращает к мрачной реальности, повтор служит переходу от паники к рационализации.

4. Адекватный перевод экспрессивных средств невозможен на уровне формальной эквивалентности и требует применения стратегий, сохраняющих прагматический потенциал и перлокутивный эффект. Выявлено пять стратегий с опорой на анализ перевода Н. Федоровой: сохранение регистрового диссонанса (рваный синтаксис фронта vs. вязкая, бюрократическая речь тыла); подбор лексики с диффузной отрицательной семантикой (гниение, фальшь, удушье, разрушение); синтаксическая дезорганизация (парцелляция, эллипсис, назывные предложения, имитирующие состояние под обстрелом); лексико-синтаксическая компенсация (усиление соседних элементов взамен утраченных); создание имплицитных тематических цепочек (сквозные ряды «распад тела», «призрачность тыла», «бездомность» с сохранением ассоциативных полей).

5. Перевод Н. Федоровой, несмотря на частные потери (редукция иронии, смягчение грубой лексики, сглаживание синтаксической остроты), в целом обеспечивает функционально-прагматическую эквивалентность высокого уровня. Читатель испытывает близкий к оригиналу эффект: леденящий ужас фронта, гнетущую фальшь тыла, трагический разрыв между словом и реальностью.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые проведён системный функционально-прагматический анализ лексико-синтаксических средств экспрессивности в романе «Время жить и время умирать» с акцентом на оппозицию «Фронт» – «Тыл»; установлено количественное и качественное доминирование экспрессивных ресурсов в описании тыла и фронта; разработана и обоснована типология переводческих стратегий (5 стратегий), специфичных для передачи экспрессивности в художественных текстах романа; выявлены механизмы имплицитной тематической изотопии (сквозных образных цепочек) и способы их сохранения при переводе; введён в научный оборот новый сопоставительный материал на стыке немецкой и русской переводческих традиций. Доказано, что адекватный перевод ремарковской экспрессивности требует не столько словарной эквивалентности, сколько контрастивного удержания регистров, компенсаторных приёмов и выстраивания имплицитных тематических цепочек.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят вклад в развитие сравнительно-сопоставительной лингвистики, теории перевода и функциональной прагматики. Теоретически значимыми являются: уточнение понятия экспрессивности как функционально-прагматической, а не только стилистической категории; обоснование методики анализа

художественного текста через ценностно-пространственную оппозицию; расширение понятийного аппарата теории перевода за счёт включения таких операционализируемых понятий, как «регистровый диссонанс», «синтаксическая дезорганизация», «лексическая аттракция»; демонстрация того, что прагматическая эквивалентность может достигаться даже при значительных формальных расхождениях, если переводчик осознанно работает с ассоциативными полями и ритмическим рисунком текста.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования её результатов в вузовских курсах по теории и практике перевода (особенно художественного), по сопоставительной стилистике немецкого и русского языков, по интерпретации художественного текста; при разработке семинаров и практикумов по переводу экспрессивной лексики, тропов и фигур речи; в переводческой практике при работе с текстами, насыщенными эмотивно-оценочной и идеологически маркированной лексикой; материалы исследования могут быть включены в учебные пособия по лингвострановедению и анализу дискурса, а также использованы при дальнейшем сопоставительном изучении прозы Э.М. Ремарка.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры немецкой филологии и кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета. На научных и научно-практических конференциях различного уровня: международных (Краснодар, 2018, 2020, 2024, 2025, 2026; Армавир, 2018; Майкоп, 2022), всероссийских (Краснодар, 2024; Липецк, 2018). Результаты исследования нашли отражение в 18 научных работах, из них 8 научных статей опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и степень разработанности проблемы; выдвигается гипотеза исследования; определяются цель и задачи диссертации; описываются методы исследования и теоретико-методологическая база диссертации; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы; представляются выносимые на защиту положения; приводятся сведения об апробации диссертационного исследования.

Глава 1 «Теоретические основы исследования экспрессивности в художественном тексте в рамках сравнительно-сопоставительной лингвистики» посвящена теоретическому обоснованию экспрессивности как функционально-прагматической категории и её роли в сопоставительном анализе художественного перевода. В качестве рабочей принимается дефиниция, согласно которой *экспрессивность представляет собой*

интенсификацию содержательной и эмоционально-оценочной стороны высказывания, достигаемую разноуровневыми языковыми средствами и направленную на реализацию субъективной авторской интенции и прагматического воздействия на реципиента. Такое понимание восходит к идеям Ш. Балли и К. Бюлера, рассматривавших язык как инструмент целенаправленного коммуникативного действия, и позволяет отказаться от узко стилистической трактовки экспрессивности как простой «украшательности».

Категориальный аппарат исследования строится на различении эмоциональности (*психофизиологической способности к переживанию эмоций*) и эмотивности (*языковой репрезентации эмоций, закреплённой в семантике и прагматике знаков*). Для теории перевода это различие принципиально: объектом межъязыковой транспозиции выступает не само переживание, а его языковой коррелят – эмотивный знак, который должен быть воспроизведён на принимающем языке с сохранением его оценочной и воздействующей функций.

В структуре экспрессивности выделяются четыре взаимосвязанных, но не тождественных компонента: *эмотивность* – способность языковой единицы передавать эмоциональное состояние автора/персонажа; *оценочность* – выражение сенсорного или рационального суждения (одобрение / неодобрение); *интенсивность* – количественный параметр усиления признака (градуируемость, повторы, усилительные частицы); *образность* – создание нового концептуального представления о денотате через метафорические и сравнительные механизмы. В зависимости от коммуникативной задачи эти компоненты вступают в различные комбинации, что требует от переводчика выявления доминантного элемента в исходной единице для подбора адекватных средств в целевом языке.

Обзор отечественных и зарубежных подходов к экспрессивности позволяет выделить три основные парадигмы: *функционально-стилистическую* (экспрессивность как синоним выразительности, реализуемой в конкретном тексте), *семантическую* (экспрессивность как особый компонент лексического значения) и *семантико-стилистическую* (интегративная модель, объединяющая системные свойства языковых единиц и их дискурсивное функционирование). Для задач сопоставительного анализа перевода наиболее продуктивным признаётся третий подход, поскольку он учитывает как инвариантные характеристики экспрессивных средств, так и их вариативность в зависимости от контекста, что непосредственно соотносится с проблемой сохранения прагматического потенциала высказывания при переводе.

Функционально-прагматический подход, избранный в качестве методологической базы, смещает исследовательский фокус с формальной структуры языковых единиц на их коммуникативные функции в художественном тексте. *Художественный текст* при этом трактуется как полифункциональное образование, в котором эстетическая функция не вытесняет коммуникативную, экспрессивную и эмотивную, а взаимодействует с ними, усиливая их суггестивный потенциал. Слово в художественном

произведении обретает приращённую семантику, обусловленную целостным образом мира автора, что ведёт к увеличению его воздействующей силы по сравнению с обыденной речью. Каждое высказывание персонажа рассматривается как речевой акт, обладающий *иллокутивной* силой (интенциональным содержанием) и *перлокутивным* эффектом (результатом воздействия на читателя); задача переводчика – воссоздать этот прагматический потенциал средствами иного языка.

Типологические различия между немецким и русским языками на лексическом и синтаксическом уровнях предопределяют специфику кодирования экспрессивных смыслов. На лексическом уровне немецкий язык активно использует *компози́ты* (сложные существительные) как средство смысловой компрессии, упаковывая образную ситуацию в одну лексему с высокой информационной плотностью; русский язык, напротив, тяготеет к *глагольности* и *аналитической дискретности*, разворачивая образ через действие и процессуальность, что придаёт повествованию динамическую протяжённость. Стилистически маркированная лексика в немецком языке дифференцирована по стратификационным пластам (разговорная, просторечная, профессиональная, устаревшая, жаргонная, бранная), обеспечивая социальную и психологическую характеристику персонажей; в русском языке субъективно-оценочные смыслы часто выражаются морфологически (суффиксы субъективной оценки, флексийные окончания). В области тропов – метафоры, сравнения, гиперболы и иронии – инвентарь средств в обоих языках в целом совпадает, однако прагматические механизмы их функционирования различны: немецкая ирония часто опирается на грамматические контрасты (*конъюнктив косвенной речи, обратный порядок слов, диминутивы*), тогда как русская – на интонационные и контекстуальные маркеры (*частицы, вводные конструкции, эллипсис*).

На синтаксическом уровне немецкий язык характеризуется жёсткой рамочной конструкцией (*Satzklammer*) и фиксированными позициями глагола, что создаёт экспрессивное напряжение, обусловленное ожиданием смыслового ядра в конце предложения; отклонения от канонического порядка слов воспринимаются как стилистически значимый приём. Русский язык, обладая свободным порядком слов, активно использует инверсию и парцелляцию как основные экспрессивные ресурсы. В области фигур речи (синтаксический параллелизм, эллипсис, умолчание, риторический вопрос, лексический повтор) оба языка демонстрируют сходный набор приёмов, однако их конкретная реализация различается: русский язык допускает высокую степень тавтологичности, активно используя однокоренные повторы и синонимические наизывания, тогда как немецкий в нейтральном стиле избегает тавтологии, но в экспрессивной речи выработал устойчивые парные повторы с предлогами и частицами (например, *durch und durch, hin und her*), не имеющие прямых эквивалентов в русском: *Die Menschen gingen darin hin und her wie in einem Gefängnis aus Licht und Schatten* [Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben,

S. 381]. – *Люди сновали туда-сюда, как в тюрьме из света и тени* [пер. Н. Федоровой, с. 324–325].

Прагматическая эффективность фигур речи зависит от структурных возможностей каждого языка, поэтому механический перенос синтаксической формы без учёта этих различий ведёт к искажению экспрессивного эффекта.

В качестве критерия оценки качества перевода экспрессивных средств в работе принимается функциональная (*прагматическая*) эквивалентность, а не формальное тождество. Адекватность перевода рассматривается как сохранение воздействующего потенциала исходного высказывания, даже если при этом допускаются отклонения на уровне отдельных лексических или грамматических параметров. В зарубежной традиции данный принцип разработан в рамках теории динамической эквивалентности (Ю. Найда), в отечественной – через противопоставление эквивалентности как объективной лингвистической категории и адекватности как функционально-коммуникативной (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер).

Систематизация переводческих трансформаций, применяемых при передаче экспрессивности с немецкого языка на русский, позволяет выделить компенсаторный механизм: утрата специфических немецких черт (рамочная конструкция, причастные обороты, композитная образность) восполняется за счёт ресурсов русского языка – интонационно-ритмической организации, парцелляции, введения модальных частиц и риторических фигур. Немецкая синтаксическая плотность и компрессия образа преобразуются в русскую аналитическую развёрнутость, что неизбежно влечёт сдвиг экспрессивного фокуса: структурное напряжение перекодируется в ритмико-интонационное, а лаконичность образа – в его процессуальную протяжённость. Таким образом, ключевой стратегией перевода становится не калькирование, а функциональное перекодирование, нацеленное на достижение тождества коммуникативного эффекта у русскоязычного реципиента: *Er wohnte in einer anderen Ecke des Steinhauses, die noch stand.* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 58]. – *Перебрался в другой угол кирпичного дома, пока что целый* [пер. Н. Федоровой, с. 51].

Из вышеизложенного следует, что: 1. Экспрессивность трактуется как функционально-прагматическая категория, интегрирующая эмотивность, оценочность, интенсивность и образность, и реализуемая в художественном тексте как инструмент целенаправленного воздействия. 2. Функционально-прагматический подход обоснован как методологически адекватный для сопоставительного анализа, поскольку он ориентирован на коммуникативную функцию и позволяет оценивать переводческие решения с точки зрения сохранения иллокутивной силы и перлокутивного эффекта. 3. Типологические различия между немецким и русским языками на лексическом и синтаксическом уровнях (номинативность против глагольности, компрессия против аналитизма, рамочная конструкция против свободного порядка слов) предопределяют разные способы кодирования экспрессивных интенций. 4. Успешность перевода экспрессивных средств определяется не формальной

точностью, а достижением функциональной эквивалентности, обеспечиваемой системой компенсаторных трансформаций, адаптирующих немецкую экспрессивную модель к русской языковой системе.

Глава 2 «Функционально-прагматические особенности лексико-синтаксических средств выражения экспрессивности в тексте оригинала и переводов романа "Время жить и время умирать"» посвящена эмпирическому анализу лексико-синтаксических средств экспрессивности в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» и их реализации в русском переводе (выполненном Н. Фёдоровой). В качестве основного метода применён функционально-прагматический анализ в рамках ценностно-пространственной оппозиции «Фронт» – «Тыл», которая, согласно гипотезе исследования, выполняет текстообразующую функцию и определяет отбор и распределение экспрессивных единиц.

Материалом для анализа послужили *первая* (репрезентирующая *фронт*) и *девятнадцатая* (репрезентирующая *тыл*) главы романа, а также соответствующие фрагменты перевода. Выбор глав обусловлен их максимальной ситуативной и пространственной определённой, позволяющей изолировать регистровые характеристики каждого из двух миров. Анализ проведён последовательно на трёх уровнях: *лексическая семантика* (экспрессивные существительные и глаголы), *тропы* (метафора, сравнение, гипербола, ирония), *фигуры речи* (синтаксический параллелизм, эллипсис/умолчание, риторический вопрос, лексический повтор). Такой порядок позволяет выявить базовые семантические оппозиции до рассмотрения их образно-синтаксического оформления.

Лексический уровень: экспрессивные существительные и глаголы.

Существительное в романе выступает центральным средством номинации и одновременно инструментом моделирования экзистенциального разрыва между двумя пространствами.

В оппозиции «Фронт» лексика характеризуется предельной редукцией: она тяготеет к конкретным, утилитарно-сигнальным единицам, обслуживающим физическое выживание – предметы снаряжения (*Gulaschkanone* – *полевая кухня*, *Brotbeutel* – *сухарная сумка*, *Kochgeschirr* – *котелок*, *Stiefel* – *сапоги*), а также части тела, смерть и разрушение. Смерть обозначается преимущественно эвфемистически или метонимически (*er hat's erwischt* – «его зацепило», *Treffer* – «попадание»), что выполняет прагматическую функцию рутинизации ужаса: язык адаптируется к экстремальной среде, лишая смерть метафорической и эмоциональной нагрузки: *Sauer griff nach seinem Kochgeschirr. „Da ist die Gulaschkanone! Rasch – sonst kriegen wir nur noch das Spülwasser“* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 6–7]. – *Зауэр подхватил свой котелок. «Вон полевая кухня! Быстрей, не то нам одна жижа достанется»* [пер. Н. Фёдоровой, с. 8].

Существительные фронта почти лишены оценочных коннотаций и функционируют как сигналы непосредственного физического опыта: *„Weißt du das nicht mehr? Wir waren doch schon einmal hier. Bei unserem letzten Angriff.*

Ende Oktober“ [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 6–7]. – «Ты чего, не помнишь? Мы ведь тут уже бывали. При последнем наступлении. В конце октября» [пер. Н. Федоровой, с. 8].

В оппозиции «Тыл» лексическое поле *существительных* качественно неоднородно и распадается на три функциональных кластера:

– *ностальгический* (мир как утраченный рай: *der Frieden* – мир, *das Zuhause* – дом, *der Garten* – сад) – эти единицы создают иллюзию нормальности, но их прагматика трагична, поскольку они фиксируют лишь осколки прежнего быта. Такой мотив материализуется через конкретную лексику повседневности. Писатель выстраивает семантическое поле нормальности, где каждое существительное работает как фрагмент разрушенного мира: *Graeber fühlte sich sofort unbehaglich mit den Blumen in der Hand. Jeder Mensch schien ihn anzustarren* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 303]. – Гребер с цветами в руке тотчас почувствовал себя неловко. Каждый встречный словно бы сверлил его взглядом [пер. Н. Федоровой, с. 260].

– *пространство разрушения* – существительные, обозначающие последствия войны в тылу (*бомбоубежища*, *разрушенные здания*, *дефицит*): *Dann kam die erste zerstörte Ecke. Dieses Mal waren es mehrere Häuser* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 87]. – Потом первый разрушенный угол. На сей раз несколько домов [пер. Н. Федоровой, с. 76].

– *идеологизированные абстракции* – пустые знаки пропаганды, которые сознание персонажа интуитивно отвергает. *Der Standesbeamte holte hinter den Klettertauen ... zwei Exemplare von Hitlers „Mein Kampf“ hervor. „Eine Gabe der Stadt“, erklärte er säuerlich* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 305]. – Из-за канатов, <...>, служащий загса извлек два экземпляра «Майн Кампф» Гитлера. – «Подарок города», – кислым тоном сказал он [пер. Н. Федоровой, с. 262].

Количественное соотношение экспрессивных существительных в первой и девятнадцатой главах составляет 64 и 67 единиц соответственно.

Оппозиция романа	Глава для анализа	Количество экспрессивных существительных в главах для анализа	Количество глав (весь роман)	Приблизительное количество экспрессивных существительных в романе	Процентное соотношение
«Фронт»	1-я	64	6	~384	≈20%
«Тыл»	19-я	67	21	~1407	≈80%

Таблица 1 – Количественные показатели существительных в оппозиции «Фронт» – «Тыл» в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»

При экстраполяции на весь роман (с учётом неравенства глав – оценочно) пропорция между фронтом и тылом составляет приблизительно 20% / 80%, что свидетельствует о смысловой доминанте тылового пространства. **Однако следует подчеркнуть, что эти данные носят иллюстративный характер; окончательные выводы требуют нормализации по объёму текста.**

Глаголы в романе выполняют функцию динамической характеристики модусов существования.

На *фронте* глаголы теряют модальность желания и намерения, замещаясь семантикой вынужденной реакции: доминируют глаголы конкретного физического действия, часто деструктивного (*zerstören* – *уничтожать*, *sprengen* – *взрывать*, *erschießen* – *расстреливать*) – эти глаголы в тексте описывают рутинную, почти ремесленную работу: „*Jetzt nimmt auch die SS keine Städte mehr ein. Jetzt geht sie zurück. Genau so wie wir.*“ „*Nicht so wie wir. Wir verbrennen und erschießen nicht, was wir erwischen können*“ [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 6]. – «*Теперь и СС города не занимают. Отходят. Как и мы*». «*Не как мы. Мы не сжигаем и не расстреливаем всех и всё что ни попадя*» [пер. Н. Федоровой, с. 8].

Глаголы восприятия редуцированы до сигналов опасности, преобладают пассивные и безличные конструкции, что создаёт эффект дегуманизации – субъект лишён воли, его существование описывается как автоматическая моторная реакция.

В *тылу* глагольная семантика стремится к восстановлению полноты: возвращаются глаголы чувственного восприятия с дифференциацией оттенков (*riechen* – *пахнуть*, но не как сигнал опасности, а как нюанс запаха бриллиантина), глаголы бытовых ритуалов (*essen*, *trinken*, *schlafen*), которые обретают перформативный смысл – они символизируют приобщение к нормальной жизни: *Graeber erinnerte sich an das Badesalz von Alfons. „So wie Brillantine riecht. Wie sonst? Es ist französische.“ Graeber nahm den Topf und roch. Die Brillantine roch nach altem ranzigem Fett* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 301]. – *Гребер вспомнил про Альфонсову соль для ванны. «Обыкновенно, бриллиантином. Чем же еще? Французский».* *Гребер взял банку, понюхал. Бриллиантин пах старым прогорклым жиром* [пер. Н. Федоровой, с. 258]. Фрагмент демонстрирует принципиально иную прагматику глагола чувственного восприятия в тыловом хронотопе. В отличие от фронтового употребления, в котором *riechen* функционировал как сигнал опасности (*трупный смрад*, *гарь*), глагол в тылу обретает полную сенсорную дифференциацию: он позволяет различать его оттенки, ассоциативные связи и эмоциональную окраску.

Однако каждый такой глагол сталкивается с ограничительными маркерами (*aber* – *но*, *trotz* – *несмотря на*), подчёркивающими онтологическую несовместимость мира человека и мира войны: *Ich müsste eigentlich sehr glücklich sein, dachte er; aber er fühlte es nicht so, wie er es erwartet hatte* [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 307]. – *Вообще-то я должен быть очень счастлив, думал он, но чувствовал себя не так, как ожидал* [пер. Н. Федоровой, с. 264]. Свадьба Элизабет и Гребера проходит на фоне Второй мировой войны, в разрушенном городе, в условиях смерти и разлуки. Гребер чувствует себя опустошённым, а радость воспринимается им скорее как долг перед собой и любимой, чем как искреннее переживание. Мысль о том, что он «должен быть счастлив», подчёркивает трагический разрыв между

личным счастьем и всеобщим горем вокруг. Это усиливает чувство вины и отчуждённости от происходящего.

Модальные глаголы (*wollen, können*) в тылу становятся частотными, в отличие от фронта, где они подавлены императивом выживания.

Оппозиция романа	Глава для анализа	Количество экспрессивных глаголов в главах для анализа	Количество глав (весь роман)	Приблизительное количество экспрессивных глаголов в романе	Процентное соотношение
«Фронт»	1-я	28	6	~168	≈20%
«Тыл»	19-я	32	21	~672	≈80%

Таблица 2 – Количественные показатели глаголов в оппозиции «Фронт» – «Тыл» в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать»

Количественно глагольная экспрессия также демонстрирует перевес в пользу тыла ($\approx 28 \leftrightarrow 32$ в выбранных главах, экстраполяция даёт ту же пропорцию $\approx 20 / 80\%$).

Тропы как инструменты прагматического моделирования.

Тропы в романе выполняют не декоративную, а концептуальную функцию, участвуя в построении оппозиции «Фронт» – «Тыл» и формируя оценочную дистанцию между читателем и изображаемым миром.

В оппозиции «Фронт» прагматика тропов направлена на предельное сокращение дистанции между словом и материальностью смерти. *Метафора* (33 примера, 27,3% от всех тропов) осуществляет инверсию: человек овеществляется до уровня материала или механизма, а неодушевлённые стихии (*солнце, снег, лёд*) наделяются агентностью, создавая образ мира, вывернутого наизнанку. *Сравнение* (37 примеров, 30,6%) распадается на два полюса: уподобление мёртвого живому (жуткая псевдожизнь) и живого – неживому (стирание личности). *Гипербола* (9 примеров, 7,4%) минимальна, поскольку экстремальная реальность сама по себе гиперболична, а дополнительные преувеличения избыточны. *Ирония* (42 примера, 34,7%) является доминирующим тропом и выступает как механизм психологической защиты – окопный юмор, кодирующий убийство как ремесленный навык. Классический пример – реплика после расстрела пленных: „*Verdammt schlechte Schießerei*“, knurrte Müller. „*Könnt ihr nicht zielen?*“ [Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben, S. 23]. – «*Чертовски хреново стреляете*», – буркнул Мюкке. «*Целиться не умеете?*» [пер. Н. Федоровой, с. 22]. Реплика – *Verdammt schlechte Schießerei* – задаёт иронический модус, в котором расстрел людей обсуждается как неудачно выполненное учебное упражнение. Слово *Schießerei* – *пальба, стрельба* лишено указания на объект; формально речь идёт лишь о техническом качестве исполнения. Это классический приём окопного юмора: убийство перекодируется в профессиональный навык, требующий поправок.

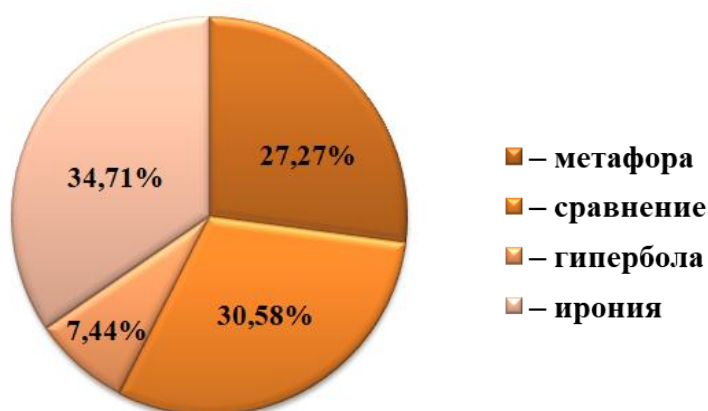

Рисунок 1 – Процентное соотношение тропов в оппозиции «Фронт»

В оппозиции «Тыл» тропы меняют свои прагматические функции. *Метафора* (55 примеров, 40,9%) становится доминирующей: она работает как инструмент отстранения, обнажая симулятивный характер тыловой нормальности (свадьба – «ритуал в аду», любовь – «остров нормальности в океане безумия»). Распределение метафор по типам в тылу высококодифференцировано (антропоморфные, органические, пространственные, социальные, религиозно-идеологические), что отражает сложность и двойственность этого пространства.

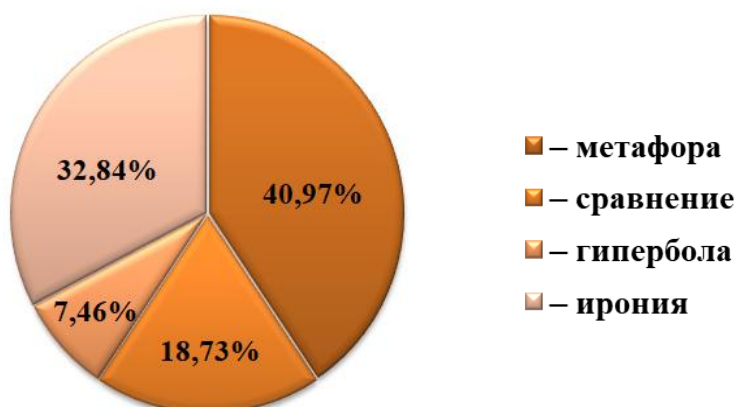

Рисунок 2 – Процентное соотношение тропов в оппозиции «Тыл»

Сравнение (25 примеров, 18,7%) уступает место метафоре, поскольку в тылу требуется не внешнее подобие, а преобразование реальности – сравнения делятся на две контрастные группы: сказочно-чудесные и природно-возвышенные, создающие трагический контраст между прекрасной формой и разрушительным содержанием. *Гипербола* (10 примеров, 7,5%) количественно близка к фронтовой, но качественно смещена в область эмоциональных крайностей – преувеличенных страхов перед бюрократией, горькой иронии над ложью системы. *Ирония* (44 примера, 32,8%) утрачивает сугубо защитную функцию и становится орудием разоблачения системы.

Центральная ирония **19-й главы – свадьба как «ритуал в аду»**, где каждый элемент любви пропитан элементами тоталитарной системы. Если фронтовая ирония – это циничный сарказм солдат, то тыловая – ситуационная и

историческая, обнажающая не индивидуальную, а системную ложь: „*Ich gratuliere Ihnen im Namen des Führers*“, sagte der Standesbeamte frostig [Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*, S. 304]. – «Поздравляю вас от имени фюрера», – ледяным тоном сказал служащий солдату и его жене [пер. Н. Федоровой, с. 261].

Фигуры речи: синтаксическая экспрессия в пространственной оппозиции.

Фигуры речи в романе связаны с позиционной и ритмической организацией высказывания; их прагматика определяется не семантикой отдельных слов, а синтаксическим рисунком, отражающим экзистенциальные состояния персонажей.

Синтаксический параллелизм на фронте (171 случай, 34,6% от всех фигур речи) служит нагнетанию однородности: перечисление однотипных действий и состояний создаёт эффект цикличности и безвыходности. В тылу параллелизм становится антитетическим (157 случаев, 51,5%) – он контрастно сопоставляет бытовое и чудовищное (например, описание любви через разрушение), выступая синтаксическим зеркалом внутреннего противоречия.

Эллипсис и умолчание на фронте (109 случаев, 22,1%) преимущественно ситуативны: обрыв речи под обстрелом, команды, физическая невозможность говорить. Это маркер опасности и экономии сил. В тылу (76 случаев, 24,9%) эллипсис приобретает характер травматического умолчания – недоговорённость о доносах, судьбе отсутствующих, о страшном в мирном контексте; пауза замещает невысказываемое, становясь знаком стыда и страха перед исторической памятью.

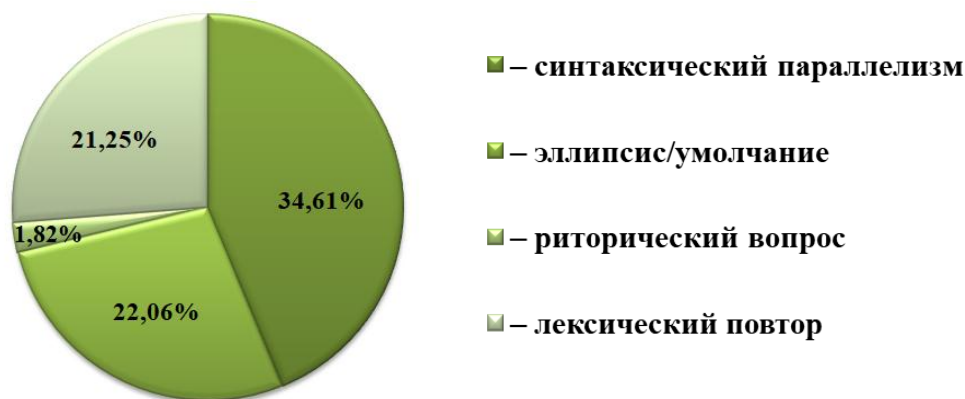

Рисунок 3 – Процентное соотношение фигур речи в оппозиции «Фронт»

Рисунок 4 – Процентное соотношение фигур речи в оппозиции «Тыл»

Риторический вопрос на фронте крайне редок (9 случаев, 1,8%) – риторика в принципе чужда фронтальной реальности, где доминирует прямая номинация. В тылу он немного чаще (10 случаев, 3,3%) и служит прагматической цели «одернуть» собеседника, вернуть его к мрачной реальности дефицита и абсурда (как в сцене с продавщицей цветов, где вопросы «*Rosen? Um diese Zeit? Woher?*» – «*Розы? В эту пору? Откуда?*» – звучат как отчитывание).

Лексический повтор на фронте (105 случаев, 21,3%) моделирует навязчивое сознание, заикание на ужасе; это симптом неспособности вырваться из тупика. В тылу повтор (около 10% от фигур) служит механизмом перехода от паники к рационализации: в сцене пробуждения Гребера четырёхкратный повтор *wo* (*woher?* – *Wo bin ich?* – *Wo ist die Front?* – *wo sind denn hier Artilleriestände?*) фиксирует процесс реинтеграции сознания в мирную реальность через внутреннюю речевую работу.

Итоговое распределение (Рис. 7) подтверждает, что при переходе от фронта к тылу происходит качественная переориентация экспрессивных средств: фронт осваивается через прямые, «внешние» приёмы (сравнение, циничная ирония, ситуативный эллипсис), тогда как тыл требует более сложного инструментария – метафоры отстранения и антитегического параллелизма, способных передать скрытую системную трагедию.

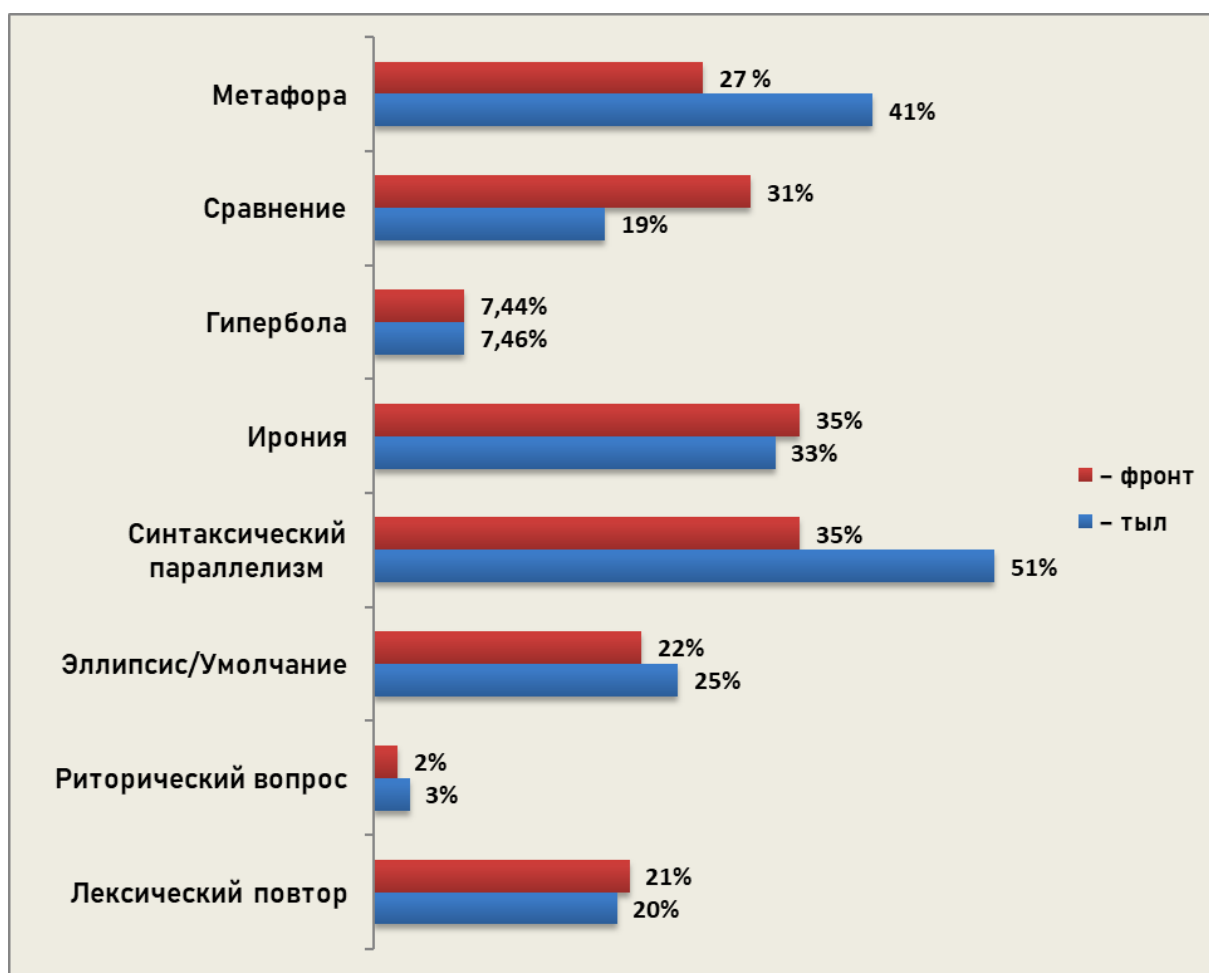

Рисунок 5 – Процентное соотношение тропов и фигур речи в оппозиции «Фронт» (1-я глава) – «Тыл» (19-я глава)

Типология переводческих стратегий Н. Фёдоровой.

На основе сопоставительного анализа выделены пять стратегий, обеспечивающих функционально-прагматическую эквивалентность при передаче экспрессивности:

1. Стратегия сохранения регистрового диссонанса – подчёркивание контраста между рваным, эллиптическим синтаксисом фронта и вязкой, бюрократической или сентиментальной речью тыла. Реализуется через сохранение командных структур, номинативных предложений и нарушения синтаксической завершённости во фронтовых эпизодах.

2. Стратегия подбора лексики с диффузной отрицательной семантикой – в тыловых описаниях используются единицы, создающие ассоциативные поля гнилости, фальши, удушья (гниение, фальшь, удушье, разрушение), даже если в оригинале стоят более нейтральные аналоги. Это усиливает негативную коннотацию тылового пространства.

3. Стратегия синтаксической дезорганизации – воссоздание психофизиологического ощущения фронта через парцелляцию, инверсии, обрывы предложений, имитирующие состояние под обстрелом.

4. Стратегия лексико-синтаксической компенсации – при невозможности прямой передачи иронического или бюрократического эффекта (например,

формула «Heil Hitler») экспрессивный вес переносится на соседние элементы: нейтральный глагол *ansehen* («посмотреть») заменяется на *пробуравить* взглядом, что компенсирует утрату коннотативного шлейфа оригинала.

5. Стратегия создания имплицитных тематических цепочек (изотопий) – формирование сквозных ассоциативных рядов («распад тела», «призрачность тыла», «бездомность»), которые проходят через весь текст и усиливают оппозицию «Фронт – Тыл» на подсознательном уровне. В переводе сохранены все ключевые звенья этих цепочек, даже при замене отдельных лексем (например, в сцене бомбёжки подвала: блуждающие огоньки – распались).

Данные стратегии не являются изолированными приёмами; они образуют систему, направленную на удержание концептуальной оси романа – противопоставления двух миров, – и обеспечивают единство прагматического эффекта у русского читателя.

Таким образом, эмпирический анализ подтверждает гипотезу о функционально-прагматической доминанте экспрессивности и о смысловом центре «Тыл», который предстаёт не как место спасения от войны, а как концентрированное выражение её разрушительной сущности – системного насилия, морального распада и экзистенциального отчуждения. Перевод Н. Фёдоровой в целом достигает высокого уровня функциональной эквивалентности, несмотря на отдельные формальные потери (смягчение грубой лексики, редукция некоторых иронических оттенков).

В **заключении** подводятся итоги, подтверждается гипотеза о функционально-прагматической доминанте экспрессивности и смысловом центре «Тыл», который предстаёт не как место спасения от войны, а как её концентрированная сущность, где экспрессивные средства работают на разоблачение системного насилия, в то время как «Фронт» остаётся пространством физической, но художественно более прямолинейной смерти.

Перспективы дальнейшего исследования вытекают из полученных результатов и открывают новые горизонты для развития функционально-прагматического подхода к анализу экспрессивности в художественном тексте и его переводах.

Во-первых, представляется продуктивным расширение эмпирической базы за счёт других произведений Э.М. Ремарка, а также текстов немецкоязычных авторов, объединённых военной и антивоенной тематикой. *Во-вторых*, предполагается в готовящейся монографии провести верификацию пропорции $\approx 20\%/80\%$ на полном корпусе 27 глав романа «Время жить и время умирать» с обязательной нормализацией данных по объёму текста, что позволит подтвердить или скорректировать вывод о смысловой доминанте тылового пространства. *В-третьих*, заслуживает отдельного рассмотрения диахронический аспект перевода экспрессивности. При наличии одновременных переводов романа (в том числе выполненных в разные десятилетия XX и XXI веков) возможно проследить эволюцию переводческих норм и стратегий в отношении экспрессивных средств, выявив, как менялись представления о допустимой степени экспрессивности, стилистической

маркированности и естественности переводного текста под влиянием историко-культурного контекста и переводческой традиции. В-четвертых, данная методика функционально-прагматического анализа лексико-синтаксических средств экспрессивности и их роли в организации текстовых оппозиций может быть экстраполирована на другие типы дискурса, в которых экспрессивность выступает ведущей категорией: политический дискурс, рекламные тексты, современная публицистика и интернет-коммуникация.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Линке, Н.О. Образное осмысление слова как средство формирования иронии в художественной прозе Э.М. Ремарка и ее русских переводах / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2021. – Вып. 1 (272). – С. 79–84. (К 3). (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

2. Линке, Н. О. Вербальная агрессия в художественной прозе Э.М. Ремарка и способы ее экспликации / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2023. – Т. 98, № 3. – С. 110–113. (К 2). (0,25 п.л.). (авторский вклад – 0,2 п.л.).

3. Линке, Н.О. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания в художественной прозе Э.М. Ремарка / Н. О. Линке, Ю.П. Нечай // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2024. – Т. 104, № 3. – С. 118–123. (К 2). (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

4. Линке, Н.О. Язык романа Э.М. Ремарка «Liebe Deinen Nächsten»: стратегии достижения эквивалентности при переводе / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2024. – Вып. 2 (337). – С. 89–96. (К 3). (0,5 п.л.). (авторский вклад – 0,4 п.л.).

5. Линке, Н.О. Экспрессивный потенциал оксюморона и антитезы в художественной прозе Э.М. Ремарка / Н.О. Линке // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2025. – Т. 112, № 5. – С. 149–155. (К 2). (0,4 п.л.).

6. Линке, Н.О. Функциональный и экспрессивный аспект прилагательных в романе Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» / Н.О. Линке // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2026. – Т. 115, № 2. – С. 162–169. (К 2). (0,5 п.л.).

7. Линке, Н.О. Функциональный и экспрессивный потенциал олицетворения в художественном тексте (на материале романа Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать») / Н.О. Линке // Вестник Адыгейского

государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2026. – Вып. 2 (377). – С. 71–78. (К 3). (0,5 п.л.)

8. Линке, Н.О. Экспрессивный потенциал союза и модальной частицы *aber* в романе Э.М. Ремарка «*Zeit zu leben und Zeit zu sterben*» / Н.О. Линке // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2026. – № 5. – С. 155–161. (К 2). (0,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

9. Линке, Н.О. Ирония как форма экспликации имплицитной оценки в языке художественной прозы Э.М. Ремарка / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Армавир, 18–19 мая 2018 г.). – Армавир: АГПУ, 2018. – С. 93–98. (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

10. Линке, Н.О. Семантико-синтаксическая функция модальных слов в языке романа Э.М. Ремарка «*Возлюби ближнего своего*» и его русского перевода / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Молодёжь в науке: Новые аргументы: Материалы IX Международного молодёжного конкурса научных работ (Липецк, 16 ноября 2018 г.). – Липецк, 2018. – Ч. II. – С. 159–164. (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

11. Линке, Н.О. Язык художественной прозы Э.М. Ремарка: категория экспрессивности в функциональном аспекте / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества: Материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 24–25 мая 2018 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 131–135. (0,3 п.л.). (авторский вклад – 0,2 п.л.).

12. Линке, Н.О. Иронический эффект и способы его формирования в художественной прозе Э.М. Ремарка / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Германистика в современном научном пространстве: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Краснодар, 7 февраля 2020 г.). – Краснодар: КубГУ, 2020. – С. 129–137. (0,5 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

13. Линке, Н.О. Грамматические показатели концепции времени в художественных текстах Э.М. Ремарка / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: Материалы III Международной научной конференции (Майкоп, 27–29 октября 2022 г.). – Майкоп: АГУ, 2022. – С. 179–185. (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

14. Линке, Н.О. Концептуализация времени в художественных текстах Э.М. Ремарка и его лексические репрезентанты / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Германистика: от истоков до современности: Сборник научных трудов. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 76–83. (0,5 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

15. Линке, Н.О. Гипербола и литота в художественных текстах В. Набокова: функционально-семантический аспект / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Язык и литература в синхронии и диахронии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Краснодар, 20 ноября 2024

г.). – Краснодар: КубГУ, 2024. – С. 171–180. (0,6 п.л.). (авторский вклад – 0,3 п.л.).

16. Линке, Н.О. Категория экспрессивности и ее компоненты в художественной прозе Э.М. Ремарка / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Текст – дискурс – культура: Материалы II Международной научной конференции (Краснодар, 2024). – Краснодар: КубГУ, 2024. – С. 206–212. (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,2 п.л.).

17. Линке, Н.О. Аллюзия как форма реализации интертекстуальности в языке романа Э.М. Ремарка «Ночь в Лиссабоне» / Н.О. Линке, Ю. П. Нечай // Текст – дискурс – культура: Материалы III Международной научной конференции (Краснодар, 2025). – Краснодар: КубГУ, 2025. – С. 132–140. (0,5 п.л.). (авторский вклад – 0,25 п.л.).

18. Линке, Н.О. Умолчание как коммуникативная стратегия и средство создания экспрессивности в художественном тексте (на материале романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен») / Н.О. Линке, Ю.П. Нечай // Текст – дискурс – культура: Материалы IV Международной научной конференции (Краснодар, 2026). – Краснодар: КубГУ, 2026. – С. 198–204. (0,4 п.л.). (авторский вклад – 0,2 п.л.).